

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ПО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ЖИЗНЬ СТРАНЫ-РЕЦИПИЕНТА: ОПЫТ РОССИИ И ЕВРОПЫ

ШУБИНА Д.С.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Тип: статья в сборнике трудов конференции Язык: русский Год издания: 2021

Страницы: 224-241

ИСТОЧНИК:

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И РОССИИ
сборник научных статей по результатам круглого стола и международной конференции. В 2
частях. под ред. Е.В. Викторовой. Санкт-Петербург, 2021
Издательство: Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург)

КОНФЕРЕНЦИЯ:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ; ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ:
ОПЫТ ЕВРОПЫ И РОССИИ
Санкт-Петербург, 11 февраля – 04 2020 года

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

АДАПТАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА, МИГРАНТЫ,
СТРАНА-РЕЦИПИЕН

АННОТАЦИЯ:

Важным инструментом адаптации и интеграции государственной миграционной политики является обучение мигрантов языку страны-реципиента. Недостаточные языковые знания и навыки мигрантов или их недостаточная мотивация к изучению языка для быстрой адаптации и интеграции в общество страны-реципиента - одна из основных проблем, стоящих перед интеграционной политикой различных государств. Обучение мигрантов разного возраста и пола на разных уровнях образования языку страны-реципиента повышает эффективность адаптации и интеграции мигрантов, а также повышает уровень толерантности основной части населения страны. Проблема языковой подготовки иностранных граждан в системе государственной миграционной политики обсуждается на примере Российской Федерации и ряда европейских стран. В статье анализируются некоторые особенности посткризисного миграционного периода в свете сложившейся тенденции увеличения миграции из стран происхождения, не имеющих тесных исторических, языковых и культурных связей со страной-реципиентом, а также причины различий в политике языковой интеграции - мотивация мигрантов изучать язык и существующие подходы к языковой интеграции мигрантов.

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ:

Входит в РИНЦ®: да

Входит в ядро РИНЦ®: нет

Входит в Scopus®:

Цитирований в РИНЦ®: 0

Цитирований из ядра РИНЦ®: 0

Цитирований в Scopus®:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И РОССИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

в двух частях

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Под редакцией кандидата экономических наук Е.В. Викторовой

With the support of the
Erasmus+ Programme
of the European Union

*При поддержке программы
Erasmus + Европейского союза*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021

**ББК 72.4
Т65**

Т65 **Трансформация** идентичностей: опыт Европы и России : сборник научных статей. В 2 частях. Часть 2 / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. — 248 с.

ISBN 978-5-7310-5267-2

Сборник содержит материалы исследований по вопросам формирования и трансформации идентичностей в Европе и России в контексте взаимовлияния и взаимообмена культур на современном этапе и в исторической ретроспективе. В сборнике рассмотрен европейский и российский опыт по теме миграции, интеграции, гражданского общества, социальной идентичности, национальной и наднациональной идентичности и др.

Во вторую часть сборника включены наиболее интересные научные статьи студентов по результатам круглого стола «Гражданское общество и социальная идентичность» 11–12 февраля 2020 года и международной конференции «Трансформация идентичностей: опыт Европы и России» 1–4 декабря 2020 года. Сборник издается в рамках проекта Эразмус + Жан Монне № 611458-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-PROJECT «Трансформация идентичностей в Европе и России в современных условиях».

Адресовано сотрудникам и преподавателям университетов, студентам, представителям бизнеса и гражданского общества, государственным служащим и широкому кругу читателей, интересующихся данной темой.

Сайт проекта: <https://unecon.ru/miac/zhan-monne/transform>. Группа ВКонтакте: <https://vk.com/miacunecon>.

ББК 72.4

Поддержка Европейской комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения содержания, которое отражает только мнение авторов, и Комиссия не несет ответственности за любое использование информации, содержащейся в ней.

ISBN 978-5-7310-5267-2

© Коллектив авторов, 2021
© СПбГЭУ, 2021

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
“SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS”

INTERNATIONAL ANALYTIC CENTRE

TRANSFORMATION OF IDENTITIES: EUROPEAN AND RUSSIAN EXPERIENCE

COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
in two parts

PART TWO

Edited by PhD in Economics E.V. Viktorova

With the support of the
Erasmus+ Programme
of the European Union

*With the support of the Erasmus+ Programme
of the European Union*

PUBLISHING HOUSE
OF SAINT PETERSBURG STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS
2021

T65 **Transformation** of Identities: European and Russian Experience : collection of scientific articles. In two parts. Part 2 / ed. by PhD in Economics E.V. Viktorova. — Saint Petersburg : Publishing house of SPbSUE, 2021. — 248 p.

ISBN 978-5-7310-5267-2

The collection contains materials on formation and transformation of identities in Europe and Russia in the context of mutual influence and exchange of cultures at the present stage and in historical retrospective. The collection examines the European and Russian experience on the topic of migration, integration, civil society, social identity, national and supranational identity, etc.

The second part of the collection includes the most interesting scientific articles of students on the results of roundtable “Civil society and social identity formation” on 11–12 February 2020 and international conference “Transformation of Identities: the experience of Europe and Russia” on 1–4 December 2020. The collection is published in the framework of Erasmus+ Jean Monnet Project № 611458-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-PROJECT “Transformation of identities in modern Europe and Russia”.

The collection is addressed to university teachers and staff, students, representatives of business and civil society, public officers and wider audience interested in this topic.

Project website: <https://unecon.ru/miac/zhan-monne/transform>. Page VKontakte: <https://vk.com/miacunecon>.

LBC 72.4

The European Commission's support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

ISBN 978-5-7310-5267-2

© Group of authors, 2021
© SPbSUE, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

О проекте	9
<i>Алексеева Е.П.</i> Мультикультурное управление как новая форма проявления мультикультурализма	13
<i>Афонина В.А.</i> Трансформация ценностных ориентаций и современная идентичность	27
<i>Богданова А.В.</i> Приднестровский конфликт: практики урегулирования ЕС и РФ	36
<i>Грбарева Е.Ю.</i> Политика мультикультурализма в Европе на примере ФРГ	49
<i>Грядунова Д.К.</i> Трансформация социокультурных форм идентичности во Франции под влиянием миграционных процессов	59
<i>Донина Д.С.</i> Интеграционные процессы в Европе: вызовы и возможности	67
<i>Жиркова П.И.</i> Политика мультикультурализма в Германии после 2015 года	77
<i>Короткова Е.В.</i> Проблема конфликта между мусульманским и принимающим сообществами в ФРГ	85
<i>Ксейнова А.А., Булах, Д.О., Еремина Д.В.</i> Политика мультикультурализма сквозь призму образовательной системы Италии	99
<i>Лапина О.И., Долженкова Е.</i> Формирование правовой идентичности в Норвегии	108
<i>Макаров А.А.</i> Региональная идентичность в странах ЕС и России	116
<i>Маховикова П.А., Зайденварг В.А.</i> Распространение националистических идей и политика мультикультурализма в Европе	124
<i>Мисан Е.М.</i> Миграционная политика Швеции	130
<i>Новолодская А.А.</i> Вызовы политики мультикультурализма во Франции	149
<i>Попов Д.И.</i> Президентские выборы в Польше 2020 года как столкновение версий польской идентичности	158
<i>Проценко С.Е.</i> Современные вызовы евроинтеграции и их значение для функционирования ЕС.....	167
<i>Смирнова Т.С.</i> Диалог гражданского общества ЕС, России, стран СНГ	176

<i>Топкасова Г.С., Шевелева П.Н.</i> К вопросу о сущности российской идентичности на современном этапе: ее особенности и актуальные проблемы	184
<i>Иванова Ю.А., Фастовская Д.А., Шацкова С.А.</i> Роль миграции в формировании человеческого капитала стран ЕС и Швеции	191
<i>Филиппова З.Н.</i> Эволюция российской международной идентичности: 1991–2020 гг.....	205
<i>Шокина И.А.</i> Трансформация идентичностей стран Европейского союза в условиях информационного общества: вызовы и перспективы	217
<i>Шубина Д.С.</i> Интеграционная политика государств по адаптации мигрантов в жизнь страны-реципиента: опыт России и Европы	224
<i>Юрьева М.М.</i> Роль гражданского общества в процессе демократизации в странах Центральной и Восточной Европы.....	241

CONTENTS

About the project	11
<i>Alekseeva E.P.</i> Multicultural management as a new form of multiculturalism	13
<i>Afonina V.A.</i> Transformation of value orientations and modern identity	27
<i>Bogdanova A.V.</i> The Transnistrian conflict: the EU and Russia's practices of settlement	36
<i>Grabareva E.Iu.</i> The policy of multiculturalism in Europe on the example of the Federal Republic of Germany	49
<i>Griadunova D.K.</i> Transformation of socio-cultural forms of identity in France under the influence of migration processes	59
<i>Donina D.S.</i> Integration processes in Europe: challenges and opportunities	67
<i>Zhirkova P.I.</i> Multiculturalism in Germany after 2015	77
<i>Korotkova E.V.</i> The problem of the conflict between the Muslim and host communities in Germany	85
<i>Kseinova A.A., Bulakh D.O., Eremina D.V.</i> The multiculturalism policy through the prism of Italian educational system	99
<i>Lapina O.I., Dolzhenkova E.</i> Formation of legal identity in Norway.....	108
<i>Makarov A.A.</i> The manifestation of regional identity in the EU and the Russian Federation	116
<i>Makhovikova P.A., Zaydenvarg V.A.</i> The spread of nationalist ideas and the politics of multiculturalism in Europe	124
<i>Misan E.M.</i> Migration policy of Sweden	130
<i>Novolodskaja A.A.</i> Challenges of multiculturalism in France	149
<i>Popov D.I.</i> Presidential elections in Poland in 2020 as a clash of versions of Polish identity	158
<i>Protzenko S.E.</i> Current challenges of European integration and their implications for the functioning of the EU	167
<i>Smirnova T.S.</i> Civil society dialogue in the EU, Russia and the CIS countries	176

<i>Topkasova G.S., Sheveleva P.N.</i> To the issue of the nature of Russian identity at the present stage: its features and actual problems	184
<i>Ivanova Y.A., Fastovskaya D.A., Shatskova S.A.</i> The role of migration in the formation of human capital in the EU countries and Sweden	191
<i>Filippova Z.N.</i> Evolution of Russian international identity: 1991–2020	205
<i>Shokina I.A.</i> Transformation of European Union countries' identities in the information society: challenges and prospects	217
<i>Shubina D.S.</i> Integration policies of states for the adaptation of migrants to the life of the recipient country: the experience of Russia and Europe	224
<i>Yurieva M.M.</i> The role of civil society in the process of democratization in the Central and Eastern European region	241

Шубина Д.С.

студентка 4 курса бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет
dashashu@list.ru

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ПО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ЖИЗНЬ СТРАНЫ-РЕЦИПИЕНТА: ОПЫТ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Аннотация. Важным инструментом адаптации и интеграции государственной миграционной политики является обучение мигрантов языку страны-реципиента. Недостаточные языковые знания и навыки мигрантов или их недостаточная мотивация к изучению языка для быстрой адаптации и интеграции в общество страны-реципиента — одна из основных проблем, стоящих перед интеграционной политикой различных государств. Обучение мигрантов разного возраста и пола на разных уровнях образования языку страны-реципиента повышает эффективность адаптации и интеграции мигрантов, а также повышает уровень толерантности основной части населения страны. Проблема языковой подготовки иностранных граждан в системе государственной миграционной политики обсуждается на примере Российской Федерации и ряда европейских стран. В статье анализируются некоторые особенности посткризисного миграционного периода в свете сложившейся тенденции увеличения миграции из стран происхождения, не имеющих тесных исторических, языковых и культурных связей со страной-реципиентом, а также причины различий в политике языковой интеграции — мотивация мигрантов изучать язык и существующие подходы к языковой интеграции мигрантов.

Ключевые слова: адаптационная интеграция; миграционная политика; языковая подготовка; мигранты; страна-реципиент.

Shubina D.S.

Bachelor's student, 4th year
Saint Petersburg State University

INTEGRATION POLICIES OF STATES FOR THE ADAPTATION OF MIGRANTS TO THE LIFE OF THE RECIPIENT COUNTRY: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND EUROPE

Abstract. Studying the cases of a number of European countries and the Russian Federation, the article will analyze some features of the post-crisis migration period in the light of the current trend towards increased migration from countries that do not have close historical, linguistic and cultural ties with the recipient country, and also consider the reasons that determine the features of language integration policies in different countries, the motivation of migrants to learn the language and existing approaches to the language integration of migrants.

Keywords: adaptation integration; language training; migrants; migration policy; recipient country.

Проблема миграции в последнее время стала одной из самых актуальных проблем, тесно связанных с другими глобальными проблемами, которые XXI век ставит перед человечеством. Локальные военные конфликты, тяжелая экологическая и эпидемиологическая ситуация, разница в уровне жизни в странах с развитой и развивающейся экономикой, стремление к воссоединению семей подталкивают людей к смене места жительства. С точки зрения социологического подхода миграция — это форма социальной мобильности, то есть изменение социального статуса отдельного человека, группы, организации или страны в целом. Эффективная политика государственной интеграции помогает усилить положительное влияние миграции (обеспечение спроса на рынке труда, приобретение человеческого капитала, компенсация негативных демографических тенденций, увеличение культурного разнообразия) и предотвратить негативные последствия миграции (социальное расслоение, проблемы безопасности, пространственная сегрегация, утечка умов, трудовая эксплуатация и т.д.). Хорошо продуманные меры интеграции помогают мигрантам реализовать свои планы; найти себя и обеспечить свое будущее в принимающих странах.

Изучая кейсы ряда европейских стран и Российской Федерации, в статье анализируются некоторые особенности посткризисного миграционного периода в свете современной тенденции к увеличению миграции из стран, не имеющих тесных исторических, языковых и культурных связей со страной-реципиентом, а также рассматриваются причины, определяющие особенности политики языковой интеграции в разных странах, мотивацию мигрантов к изучению языка и существующие подходы к языковой интеграции мигрантов.

На данный момент современная наука пытается разработать системный подход к изучению феномена миграции. Как сформулировал Энтони Гидденс: «Ученые, изучающие миграцию, все больше склоняются к рассмотрению глобальных моделей миграции как неких систем, образованных взаимодействием процессов, происходящих на микро- и макроуровнях» [14]. В данном исследовании феномен миграции рассматривается с точки зрения социологического подхода, согласно которому миграция является результатом выбора

мигрантом определенного сценария развития, в котором важную роль играет владение языком страны-реципиента. В ходе исследования были проанализированы открытые источники, отвечающие поставленным задачам и способствующие раскрытию основных понятий. Метод сравнительного анализа позволил сравнить потребности различных государств в языковой подготовке взрослых мигрантов.

Под адаптацией мигрантов в новой социокультурной среде понимается процесс изменения и достижения соответствия с новой культурной средой, осуществляемый через усвоение новых норм, ценностей и моделей поведения в процессе межкультурных контактов, а также как результат этого процесса, выражающийся в степени интеграции в новое культурное сообщество, с одной стороны, и в достижении чувства благополучия и удовлетворения с другой. Адаптивная деятельность принимающей этнической общности реализуется через толерантность, открытость, готовность взаимодействовать с другими, не навязывая им ту или иную модель адаптации. А. Кеннеди и К. Уорд различают психологическую и социокультурную адаптацию [21]. Первый тип адаптации относится к психологическому благополучию или удовлетворенности и зависит от личных качеств, истории жизни человека и социальной поддержки, которую он получает во время миграции. Социокультурная адаптация напрямую связана с выбором стратегии адаптации, которая отражает отношение мигрантов к культурным изменениям и включению в новую среду, а также характеризует степень и успешность реализации выбранной стратегии. Социокультурная адаптация означает социальные навыки и способность человека адаптироваться к новой культуре. Его скорость зависит от языковых способностей, времени, проведенного в новой стране, разницы между исходной культурой и новой культурой, а также различных аспектов аккультурации.

Основываясь на понимании адаптации как степени интеграции в новое культурное сообщество, с одной стороны, и достижения чувства благополучия и удовлетворения, с другой, Дж. Берри выделяет ряд показателей приспособляемости. Социокультурный аспект включает контакты с представителями своей социокультурной группы; степень знания нового языка и частоту использования родного языка; оценку признания, принятия местными жителями; установку на выезд. Показатели психологической адаптации: оценка перспективы; степень удовлетворенности смыслом жизни; степень удовлетворенности прибытием [2].

Государственная политика адаптации и интеграции любой страны-реципиента многогранна. Структурная интеграция связана с участием мигрантов в экономической жизни и их доступом к системам образования и здравоохранения стран-реципиентов. Социальная и культурная интеграция касается участия мигрантов в общественной жизни и их ориентации на общие ценности. Политическая интеграция означает участие новичков в процессе принятия политических решений. Таким образом, интеграция означает двусторонний процесс, успех которого зависит от совместных усилий мигрантов и местного населения. Политика интеграции, будучи сложной проблемой, связана с рядом других областей государственной политики, такими как политика на рынке труда, образование, здравоохранение или жилищная политика. Удовлетворение образовательных и других потребностей мигранта, беженца и принимающего населения на местном, национальном и международном уровнях требует мобилизации ресурсов и координации. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. определяет единый правовой статус трудящихся-мигрантов, основные права и свободы последних, а также обязательства принимающего государства в отношении трудящихся-мигрантов [15]. Кроме того, в сентябре 2016 года 193 государства-члена ООН подписали Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах, которая направлена на укрепление и совершенствование механизмов, устанавливающих общую ответственность, и которая заложила основу для процессов подготовки двух глобальных договоров, касающихся, соответственно, мигрантов и беженцев [18].

Целевые интеграционные мероприятия обычно включают языковую подготовку, профессиональную подготовку, знакомство с историей, культурой и общими правилами принимающих обществ или конкретные программы, направленные на удовлетворение потребностей наиболее уязвимых групп мигрантов — женщин и молодежи. Язык как средство вербального общения становится основой для построения мультикультурного общества, независимо от того, был ли он создан в результате длительных исторических процессов или возник в результате внешней или внутренней миграции. Рост миграционных процессов часто создает условия для формирования компактных поселений мигрантов разных национальностей, снижая их интерес к интеграции через изучение языка принимающей общины. Формирование

«этнических» обществ (трудовых анклавов) обостряет эту проблему, позволяя новичкам в большинстве случаев обходиться без развития коммуникативных навыков на языке принимающего общества, несмотря на практически повсеместно существующие государственные требования к знанию языка, истории и основы местного законодательства. С одной стороны, язык помогает устанавливать контакты по принципу «друг или враг», являясь инструментом самопрезентации и своеобразной адаптации к новой межкультурной среде. С другой стороны, язык становится препятствием для общения за пределами ограниченного пространства или даже средством манипуляции для достижения определенных целей и намерений [1].

Незнание языка принимающей страны, как правило, негативно характеризует мигрантов в глазах местного населения, проводя невидимую границу между пришельцем и постоянным населением, провоцируя агрессию, нетерпимость и ксенофобию. По словам Ольги Вендиной, «вызов миграции настолько силен для общества, что начинает противопоставлять очевидные экономические выгоды, и начинает требовать ограничения существующих миграционных процессов. Мигрант изначально представлен как преступный элемент общества, что связано с представлениями о наркоторговле, преступности, насилии и так далее» [4]. Изучение языка страны-реципиента мигрантами разного возраста и пола на разных уровнях образования повышает эффективность адаптации и интеграции мигрантов, а также повышает уровень толерантности основного населения страны.

Российская Федерация относительно недавно стала страной назначения для международных мигрантов. Распад Советского Союза, межнациональные конфликты в бывших республиках СССР, тяжелая политическая и экономическая ситуация на постсоветском пространстве стали причинами миграции в Россию. В Российской Федерации трудовые мигранты из государств-правопреемников бывшего Советского Союза рассматриваются как значительный культурный и языковой ресурс, особенно на фоне неблагоприятной демографической ситуации во многих регионах страны. Однако за последние 10–15 лет структура миграции в Российской Федерации претерпела изменения: в отличие от первых поколений мигрантов, свободно владеющих русским языком, новые поколения мигрантов, особенно из стран Центральной Азии, больше не имеют близких языковых, социальных и культурных связей с принимающим российским обществом. Боль-

шинство прибывающих в Российскую Федерацию — это трудовые мигранты, зачастую не имеющие профессионального уровня, необходимого на российском рынке труда, во многих случаях они не говорят по-русски даже на базовом уровне и рассматривают страну только как место для того, чтобы заработать деньги, приезжая в одиночку и покидая семью в своей стране.

Недостаток знаний и навыков или отсутствие мотивации для быстрой адаптации и интеграции в российское общество является одним из основных вызовов интеграционной политике Российской Федерации. Необходимое увеличение количества мигрантов, демонстрирующих свою полную готовность к адаптации и интеграции в российское общество, определяется одной из стратегических задач миграционной политики Российской Федерации. Она сформулирована в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [7], а также в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [11]. Адекватное знание языка мигрантами, их хорошее понимание основ государственного устройства и правовой системы, а также ценностей, истории, культурных традиций, норм и правил поведения рассматривается как прочная основа для укрепления социального единства и продвижения интеграции граждан России и мигрантов в единое правовое поле. В этом контексте очень важно изучить и критически осмыслить опыт других стран в области языковой подготовки мигрантов. В частности, представляет интерес изучение и анализ опыта предварительного языкового тестирования будущих мигрантов, что можно рассматривать, как признак серьезных намерений мигрантов адаптироваться и интегрироваться в общество принимающей страны.

Одно из первых научных определений миграции было предложено в 1885–1889 годах британским ученым Э. Равенштейном, который понимал под ней постоянное или временное изменение места жительства человека [19]. В настоящее время М. Галас говорит о посткризисной миграции, под которой понимается «процесс вытеснения населения из проблемных регионов — доноров миграции, причиненный ущербом социально-культурным, инфраструктурным, религиозным, финансовым, экономическим, энергетическим, политическим, правовым, этносоциальным, экологическим и другими благоприятным и традиционным средам, вызванным политическими и вооруженными конфликтами, которые требуют защиты

прав гражданина и человека, связанные с проблемой обеспечения национальной безопасности»[6].

Неслучайно именно представители Великобритании одними из первых осознали необходимость научного анализа миграционных процессов. Великобритания стала страной-реципиентом в конце XVIII века из-за промышленной революции. Примечательно, что во время самых первых миграций мигрантам удавалось сохранять свою идентичность, но при этом вести диалог с местным населением, но не ассимилироваться. Примером может служить «внутренняя миграция» ирландцев. Именно в этот период были сформированы первые основы политики мультикультурализма Британской империи, а именно: приоритет уважения прав и свобод, терпимость к иностранным культурам и уважение культурной и национальной самобытности, кроме того, сообщества могли защищать свои права на национальном уровне. Однако политику мультикультурализма предопределил и другой фактор — колониальное прошлое страны. В Великобритании сосуществовало значительное количество этнических групп и культур, что также характеризует современное состояние британского общества: самые многочисленные этнические группы представлены мигрантами из Пакистана, Китая, Индии, Африки, Бангладеша и Юго-Восточной Азии. Более того, Индия и Пакистан входят в тройку стран, граждане которых мигрируют в Соединенное Королевство [17]. Несмотря на высокий уровень толерантности к мигрантам и давнюю реализацию мультикультурной модели ассимиляции мигрантов, политические и экономические реалии современного мира вынудили Великобританию изменить свою открытую миграционную политику и взять курс на ужесточение контроля над миграционными процессами.

В 2015 году в Европе произошел миграционный кризис. Количество мигрантов и беженцев из Южной Азии, Северной Африки и Ближнего Востока начало резко увеличиваться в Европейском Союзе. Среди стран, которые мигранты в основном выбирают для переезда, — Германия, Великобритания, Италия, Франция, Швеция и Австрия. Новые волны мигрантов не имеют тесных языковых, социальных и культурных связей с принимающим европейским обществом, но у многих из них есть родственники, давно обосновавшиеся в Европе. Одна из наиболее важных причин увеличения потоков мигрантов — высокая рождаемость в арабских странах и привлекательность Европы для молодежи. Большинство молодых людей стремятся получить образо-

вание в Европе, где, помимо развитой образовательной инфраструктуры, очень высок уровень взаимной ответственности государства и личности и гарантии прав и свобод.

Во время последней волны иммиграции Германия стала самым привлекательным местом для мигрантов. В период с 2015 года по конец 2018 года 558 549 человек бежали в Германию и были признаны беженцами. Пятью наиболее важными странами их происхождения являются Сирия (518 048), Афганистан (184 759), Ирак (164 163), Албания (68 658) и Иран (45 891). В 2016 году более 2000 недавних мигрантов спросили, что побудило их мигрировать, и оказалось, что сочетание нескольких причин часто приводило к миграции и бегству: 70% всех респондентов заявили, что они спасаются от войны и насилия, 44% искали защиты от преследований и 39% заявили, что они страдают от тяжелых условий жизни. Кроме того, некоторые беглецы хотели избежать дискриминации (38%) или уйти от принудительной вербовки (36%), тогда как 32% всех участников исследования определили причину своей миграции в общей экономической ситуации в стране происхождения. Поначалу общественный прием беженцев был положительным. Со временем отношение общества изменилось, что привело к росту успеха на выборах правой партии «Alternative fuer Deutschland». Демонстрации правых и насилие в отношении недавних мигрантов резко возросли в 2015 и 2016 годах, немного снизившись в 2017 году [22].

В 2014–2015 годах произошло резкое увеличение потока беженцев на территорию Российской Федерации в связи с вооруженным конфликтом на Юго-Востоке Украины. По данным Автоматизированной системы аналитической отчетности (далее — ASAR), в 2017 году на территорию Российской Федерации въехало более 17,1 млн иностранных граждан. Основной миграционный поток формируют граждане стран СНГ (68,7%). Доля граждан Евросоюза составляет 10,3%. На граждан других стран приходится 20,9% миграционного потока. Из числа прибывших мигрантов наибольшая доля (52,4%) принадлежит гражданам Украины, Узбекистана, Казахстана и Китая. Среди регионов Московская область занимает первое место по количеству мигрантов. Наибольшее количество иностранных граждан находится в Центральном (42,1%) и Северо-Западном (14,5%) федеральных округах. По данным ASAR, 26,4% иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации с целью работы или с частным

визитом, превысили срок легального пребывания в России, что свидетельствует о наличии нелегальной миграции [10].

Рассмотрим миграционную политику Российской Федерации на примере Новгородской области Российской Федерации. В период с 1993 по 2012 год Новгородская область, расположенная в Северо-Западном федеральном округе России, считалась преимущественно миграционно привлекательной, занимая по этому показателю позиции выше среднего в общем рейтинге субъектов Российской Федерации. Что касается рейтинга привлекательности, то она занимала 27-е место после Калининградской, Ленинградской, Тверской, Мурманской и Московской областей, но опережала такие регионы, как Псковская, Вологодская, Ярославская области и Республика Карелия. В Новгородскую область в основном приезжают мигранты из Таджикистана, Украины, Молдовы, Узбекистана, что соответствует общероссийской тенденции.

В 2016 году в Новгородскую область прибыло 1788 мигрантов из бывших регионов Советского Союза, из которых 939 человек покинули Украину, 230 — из Узбекистана, 177 — из Таджикистана. В 2017 году эта тенденция продолжилась: среди 1456 мигрантов было 610 мигрантов из Украины, 226 — из Таджикистана, 157 — из Узбекистана [8;9]. В отличие от мигрантов из Украины, которым не требуется особая помощь в овладении русским языком, мигранты из Средней Азии обычно имеют проблемы с адаптацией из-за низкого уровня владения русским языком. Этот недостаток сильно влияет как на отношение русскоязычного населения к мигрантам и их детям, так и на сам процесс обучения.

Губернатор Новгородской области Андрей Никитин выступил с инициативой реализации приоритетного регионального проекта «Улучшение миграционной ситуации в Новгородской области». Инициатива направлена на преодоление к 2022 году убыли населения и обеспечение к 2025 году миграционного прироста не менее 500 человек. Проект должен положительно повлиять на проблему демографии и восполнить дефицит человеческих ресурсов, отмечает региональное министерство труда и социальной защиты населения. Преодоление миграционного спада в регионе планируется за счет комплексного развития агломерации Великого Новгорода и Новгородской области во взаимодействии с бизнес-сообществом. К 2025 году при успешной реализации всех направлений приоритетного регионального проекта

44575 человек должны переехать на постоянное место жительства в городскую агломерацию Великого Новгорода и Новгородской области. В планах привлечение соотечественников, проживающих за рубежом, носителей русского языка, а также молодежи из других регионов России и зарубежных стран для получения образования в Новгородском государственном университете с дальнейшим трудоустройством в регионе.

Количество и структура мигрантов зависит от преобладающих форм миграции (временная, циркулярная, постоянная, экономическая, политическая и т.д.); демографических характеристик иммигрантов (возраста, социально-экономических характеристик, уровня образования и т.д.); культурных особенностей (культурная и языковая удаленность от принимающего общества и основных стран назначения, уровень этнической однородности) и других факторов. Благодаря этому каждая из стран-реципиентов имеет свою миграционную политику и набор механизмов для адаптации и интеграции. При всех их особенностях овладение национальным языком мигрантами в большинстве стран считают безусловным приоритетом интеграции. Поэтому языковая подготовка находится в центре внимания большинства механизмов интеграции. Владение национальным языком выполняет ряд ключевых функций в процессе интеграции: обеспечивает эффективное общение между мигрантами и государственными органами, хозяйствующими субъектами и отдельными членами принимающего общества. Трудно переоценить важность владения национальным языком для социальной интеграции мигрантов в принимающее сообщество и социальной (вертикальной) мобильности иммигрантов, включая мобильность между поколениями. Низкий уровень владения языком, особенно низкий уровень владения письменным языком, отрицательно сказывается на результатах любого члена общества на рынке образования и труда; это тем более верно для мигрантов и их детей, которые сталкиваются с дополнительными препятствиями на пути к успешной самореализации в этих системах и к преимуществам вертикальной мобильности. Следовательно, эффективная политика языковой интеграции играет ключевую роль в обеспечении равных возможностей для всех членов общества.

Несмотря на неоспоримые преимущества, связанные с овладением языком, реальная мотивация мигрантов изучать язык принимающего

общества может существенно различаться. Основная причина состоит в том, что изучение нового языка — сложная и трудоемкая задача. Уровень сложности многократно возрастает, если нет лингвистической близости родного языка мигранта и языка общества-реципиента, если есть существенные различия в алфавите и системе письма (арабский шрифт, иероглифы против латиницы или кириллицы). Каждый мигрант оценивает потребность в овладении иностранным языком, то есть национальным языком принимающего общества, с точки зрения выгод от этих «долгосрочных инвестиций», ценность которых для человека оценивается в зависимости планов и перспектив отдельной миграции, таких как ожидаемая продолжительность пребывания в стране, статус языка (мирового, регионального значения или только национального использования).

Кроме того, на мотивацию изучения языка страны-получателя влияет необходимость его знания для успешного функционирования на рынке труда. Для многих видов низкоквалифицированного или ручного труда это не всегда необходимо, особенно если работа не предполагает выезда из сообщества мигрантов того же происхождения. Однако тесные связи с сообществом мигрантов ограничивают общие шансы мигрантов на успешную деятельность за пределами этих структур или ниш и не всегда отвечают интересам принимающей страны, поскольку они снижают экономический потенциал мигрантов и ограничивают их участие в образовании их детей. Кроме того, отсутствие желания изучать язык критически оценивается преобладающим обществом, создавая основу для ксенофобии.

Из-за разного состава мигрантов в разных государствах политика языковой интеграции разная. В странах, традиционно привлекательных для мигрантов, большое внимание уделяется овладению языком молодыми людьми или «вторым поколением» мигрантов, поскольку эти страны осознали, что отсутствие языковой компетенции у этих групп отрицательно сказывается на их образовательных достижениях и препятствует мобильности между поколениями. Страны с более поздней историей миграции, к которым можно отнести Россию, отдают предпочтение вновь прибывшим в трудоспособном возрасте. Поэтому основное внимание уделяется организации вечерних языковых курсов, конкретной профессиональной языковой подготовке или языковым требованиям и тестированию в странах происхождения до переезда в страну-реципиент.

В области языкового образования политика интеграции имеет тенденцию проводить различие между взрослыми мигрантами и молодым поколением. Для первой группы предназначены упомянутые выше специальные интеграционные программы и языковые курсы, тогда как освоение языка второй группы должно осуществляться в рамках общеобразовательных систем. Овладение языком детьми мигрантов является частью более широкого обсуждения образовательной политики в эпоху посткризисной миграции, когда признается растущее присутствие учащихся с миграционным прошлым, что подразумевает необходимость в более сложных и дополнительных действенных мерах реагирования на сложившуюся ситуацию. Владение языком преподавания признано обязательным условием общего успеха учащегося в образовательных системах.

Рассматривая миграционную политику в отношении уровня владения взрослыми мигрантами языком страны-реципиента, можно выделить несколько подходов. Например, посещение языковых и интеграционных курсов после прибытия является обязательным условием для мигрантов во Франции. Обучаясь на курсах, абитуриенты демонстрируют как минимум стремление к интеграции. В Великобритании этнические общины пользуются возможностью изучать английский дважды в неделю в течение десяти месяцев в рамках программы «Английский язык и наставничество». Различные мастер-классы, киноклубы помогают в разговорной практике и развитии языка, а также налаживанию дружеских контактов с местным населением. С 2013 года программа финансируется Фондом Эвана Корниша [13]. Другая программа «Активное гражданство и английский язык» с 2013 по 2015 год поддерживала женщин, которые мигрировали из стран за пределами ЕС в Великобританию, цель программы заключалась в подготовке женщин к тестированию на получение гражданства Великобритании [12]. В настоящее время наиболее всесторонняя и необходимая помощь мигрантам в изучении языка страны-реципиента в Великобритании предоставляется Международной организацией по миграции (МОМ), ведущей межправительственной организацией в области миграции, которая тесно сотрудничает с правительственными организациями, межправительственными и неправительственными партнерами и насчитывает 173 государства-члена. Для беженцев, принятых для переселения в Соединенное Королевство, МОМ предлагает курсы английского языка (UK CO-ELT) [20].

Однако, поскольку Великобритания придерживается курса на ужесточение контроля над миграционными процессами, финансирование бесплатных курсов английского языка сократилось. В настоящее время в Англии 770 000 человек говорят на этом языке плохо или совсем не говорят, хотя критики говорят, что изучение языка пострадало из-за правительственных сокращений. В то же время этнические меньшинства в Великобритании демонстрируют тенденцию игнорировать преподавание языка и гражданства детям-мигрантам. В статье The Guardian Амина Лоун отмечает: «Мы должны поддержать это меньшинство, чтобы полностью интегрироваться, и в то же время решительно бороться с институтами, которые не учат молодое поколение основам гражданства. В настоящее время у нас есть ультраортодоксальные еврейские школы, где детей учат не английскому, а идиш, и нерегулируемые исламские школы, в которых не преподают всеобъемлющее гендерное равенство» [16].

В Российской Федерации тестирование на знание русского языка (интеграционный экзамен по русскому языку, истории и основам законодательства, государственный экзамен по русскому языку) проводится для уже прибывших в страну иностранных граждан, которые подают заявление на получение разрешения на работу, разрешения на временное проживание, визы на жительство, гражданства Российской Федерации. Для таких лиц организованы курсы русского языка как иностранного. Достаточно новым для российской миграционной политики является понятие «носитель русского языка». Эта льготная программа, созданная для облегчения приобретения русскоязычными гражданами российского гражданства, имеет аналоги в Польше, Германии, Израиле, Эстонии и Казахстане. Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. N 71-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 257-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части упрощения порядка предоставления разрешений на временное проживание и видов на жительство отдельным категориям иностранных граждан и лиц без гражданства упростило процесс получения гражданства Российской Федерации для лица, признанного носителем русского языка.

Носителями русского языка являются те, кто владеет русским языком и ежедневно использует его в семейной, бытовой и культурной

сферах, если эти лица или их родственники проживают по прямой восходящей линии или ранее проживали в Российской Федерации или на территории, принадлежащей Российской Федерации или СССР. То есть помимо знания русского языка необходимо соблюдение условий проживания в обозначенных местах либо лицом, либо родственниками. В соответствии с частью первой статьи 33.1 Федерального закона «О носителях русского языка» признание носителем русского языка осуществляется в форме собеседования специально созданными комитетами, действующими при каждом территориальном органе власти МВД России. Граждан Беларуси и Украины могут признать носителями русского языка без прохождения собеседования.

Обязательное предварительное тестирование на знание русского языка не проводится, хотя в европейском контексте языковое тестирование перед поступлением в страну используется уже более десяти лет. Первой страной в Европейском Союзе, которая ввела обязательное предварительное языковое тестирование для мигрантов в 2006 году, были Нидерланды. Тестирование проходит в специальных центрах, организованных посольствами Нидерландов за рубежом. После введения голландской модели она подверглась довольно значительной критике из-за высокой стоимости тестов, ограниченного срока действия языковых сертификатов и доступности тестов только на голландском и английском языках. Несмотря на критику, Нидерланды сохранили систему тестирования, и другие страны последовали их примеру. Сдача предварительного экзамена на знание языка является строгим условием для получения разрешения на долгосрочное проживание в Австрии, Дании, Германии и Великобритании. Последняя, будучи частью ЕС, занимала второе место после Германии по количеству мигрантов. В 2008 году в Великобритании была введена система начисления баллов мигрантам в зависимости от уровня образования, дохода и знания английского языка. По сумме баллов Комитет по миграционным вопросам принимал решение о разрешении на миграцию.

Предварительные языковые тесты, проводимые в разных странах, различаются по многим аспектам: в некоторых странах тестирование организовано властями будущей страны-реципиента или нанятыми поставщиками услуг под их контролем, в других — языковые навыки могут быть подтверждены языковыми сертификатами; в большинстве случаев языковое тестирование проводится в стране происхождения,

но в исключительных случаях оно проводится вскоре после прибытия в страну пребывания; тесты различаются по структуре и навыкам тестирования (письмо, чтение, аудирование, устная речь), содержанию (язык, информация о культуре и обществе), а также требуемому уровню языковых знаний. Стоимость тестирования и подготовительных курсов оплачивается мигрантами, но в некоторых случаях может быть субсидирована [10]. Государства-члены ЕС, которые ввели предварительное языковое тестирование, оправдывают эту меру необходимостью расширения интеграционного потенциала мигрантов в такой ключевой области, как языковые навыки; повысить их готовность и решимость к интеграции; заранее ознакомить мигрантов с культурными и социальными нормами принимающего общества (если языковое тестирование сопровождается тестированием на «гражданскую интеграцию»); предотвращать фиктивные браки; а также сократить необходимые государственные инвестиции в интеграцию после прибытия (если члены семьи живут за счет социальных пособий). Введение языкового тестирования для членов семьи также является сигналом для широкой общественности страны-получателя о том, что власти уделяют должное внимание потенциалу мигрантов для успешной интеграции.

Критики предварительных языковых тестов утверждают, что тестирование создает дополнительные препятствия для миграции, особенно для уязвимых групп, которым, таким образом, не разрешается мигрировать и воссоединяться со своими родственниками. В частности, предполагается, что освобождение от дотестирования граждан большинства экономически развитых стран создает предпосылки для дискриминации граждан других государств. Знание языка должно появиться в результате интеграции, а не быть ее предпосылкой.

Как отмечают исследователи, из-за относительно короткого времени, прошедшего с момента введения предварительного тестирования, пока невозможно правильно оценить эффективность тестов и их реальное влияние на траекторию интеграции мигрантов. Однако есть первые наблюдения за краткосрочным эффектом тестирования в некоторых европейских странах: в большинстве из них общее количество претендентов на вид на жительство уменьшилось после введения тестов. Частично это можно объяснить тем, что абитуриенты откладывают подачу заявок, желая лучше подготовиться к тестам. Введение

системы предварительного тестирования также привело к некоторым изменениям в составе поступающих: среди них меньше малообразованных, пожилых или неграмотных, особенно в странах с относительно высокой стоимостью тестирования. Практика показывает, что хорошо продуманные схемы подготовки к экзаменам и правильно организованные тесты могут фактически усилить желаемый эффект расширения прав и возможностей мигрантов и сделать тестирование стимулом для надлежащего обучения, а не серьезным препятствием для потенциальных [10].

В странах происхождения абитуриентов необходимо организовать подготовительные языковые курсы, соответствующие характеру тестирования, или организовать занятия в формате электронного обучения. Инструкции по подготовке и тестированию, учебные и подготовительные материалы должны быть доступны на языке, понятном потенциальным мигрантам. Стоимость тестирования, включая стоимость подготовительных курсов, материалов и повторных тестов, должна быть разумной и доступной, при этом следует учитывать выделение субсидий для определенных групп мигрантов.

Обучение мигрантов разного возраста и пола на разных уровнях образования языку страны-реципиента повышает эффективность адаптации и интеграции мигрантов, а также повышает уровень толерантности основного населения страны. Хотя российские власти отметили снижение уровня владения русским языком среди вновь прибывшего контингента мигрантов из неславянских стран СНГ, традиционная роль русской культуры и русского языка продолжает оставаться важным фактором в регионе и отличительной формой социального капитала, привезенного в Россию значительным количеством вновь прибывших. Растущий интерес к курсам русской культуры и русского языка, наблюдаемый в странах Центральной Азии, подтверждает это предположение.

Опыт организации предварительного тестирования будущих мигрантов в мировом сообществе должен представлять большой интерес для российской миграционной политики. Предварительные языковые тесты следует рассматривать как отправную точку для языковой интеграции мигрантов, и в течение их жизни в стране им следует предлагать постоянную языковую поддержку. При разработке тестов необходимо учитывать особые потребности уязвимых групп будущих мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедрина Е.Б. Международная трудовая миграция в современной России: от мониторинга к принятию управленческих решений. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — 158 с.
2. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация // Развитие личности. — 2001. — №3–4. — С. 183–193.
3. Василенко П.В. Динамика миграционной привлекательности Новгородской области // Вестник Псковского государственного университета. — 2016. — № 8. — С. 36–44.
4. Вендина О.В. Социальная роль миграции [Электронный ресурс] // URL: <http://postnauka.ru/video/24270>.
5. Волох В.А. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. — 2019. — №1. — С. 5–12.
6. Галас М.Л. Социально-экономические и политико-правовые аспекты посткризисной миграции // Финансы: теория и практика. — 2017. — №3. — С. 216–235.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/>.
8. Новгородская область в цифрах, 2017 [Электронный ресурс] // URL: https://novgorodstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9D%D0%9E%D0%92_%D0%9E%D0%91%D0%9B_%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80_2017.pdf.
9. Новгородская область в цифрах, 2018 [Электронный ресурс] // URL: https://novgorodstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9D%D0%9E%D0%92_%D0%9E%D0%91%D0%9B_%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80_2018.pdf.
10. Совместное руководство ERIS по принципам, процедурам и стандартам политики интеграции иностранцев [Электронный ресурс] // URL: https://www.pragueprocess.eu/phocadownload/ERIS_manual_ru%20FINAL.PDF.
11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/.
12. Active Citizenship and English Language [Электронный ресурс] // URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/active-citizenship-and-english-ace-for-third-country-national-women-in-the-uk>.
13. English Language and Mentoring [Электронный ресурс] // URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/english-language-and-mentoring>.
14. Giddens, A. Sociology. [Электронный ресурс] // URL: <https://socioline.ru/pages/entoni-giddens-sotsiologiya>.
15. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml.
16. Lone, A. People in the UK should learn English. But without free classes, they can't [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/14/uk-learn-english-free-classes-government-funding>.
17. Migrants in the UK: an Overview [Электронный ресурс] // URL: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2016/04/Briefing-Migrants_UK_Labour_Market.pdf.
18. New York Declaration on Refugees and Migrants [Электронный ресурс] // URL: <https://refugeesmigrants.un.org/declaration>.

19. Ravenstein, E.G. The Laws of Migration / Ravenstein, E.G. // Journal of the Statistical Society of London. — 1885. — Vol. 48, 2. — P. 167–235 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/2979181.pdf?seq=1>.

20. UK Cultural Orientation and English Language Training (CO-ELT): Giving refugees a head start on life in the UK [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iom.int/uk-cultural-orientation-and-english-language-training-co-elt-giving-refugees-head-start-life-uk>.

21. Ward, C. Where's the Future in Cross-Cultural Transition? Comparative Studies of Sojourners Adjustment / Ward, C. // Journal of Cross-Cultural Psychology. — Vol. 24 — P. 221–249.

22. Wienberg, J. Language Learning of Migrants: Empirical evidence from the German integration course system [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/329626114_Language_Learning_of_Migrants_Empirical_Evidence_from_the_German_integration_course_system_accepted.

Юрьева М.М.

студентка 3 курса бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет
mariayurieva1410@gmail.com

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В докладе рассматривается значение гражданского общества в процессе демократизации постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы. Особое внимание уделяется Польше, Венгрии и Чехословакии — демократические изменения, произошедшие в них, дали мощный толчок другим странам Центральной и Восточной Европы. Активное гражданское общество, в сочетании с благоприятной международной обстановкой, сделали сначала Польшу, а потом Венгрию и Чехословакию двигателями демократизации среди государств ЦВЕ.

Ключевые слова: демократизация; гражданское общество; Центральная и Восточная Европа.

Yurieva M.M.

Bachelor's student, 3rd year
Saint Petersburg State University

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY IN THE PROCESS OF DEMOCRATIZATION IN THE CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN REGION

Abstract. The report addresses the importance of civil society in the process of democratization in the Central and Eastern European region. Particular attention is paid to Poland, Hungary and Czechoslovakia — the democratic changes that occurred

17. Smolar, A. «Self-limiting Revolution»: Poland, 1970–89' / A. Smolar // Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present / ed. by A. Roberts, T. Garton Ash — Oxford: Oxford University Press, 2009. — 432 p.

18. Williams, K. Civil Resistance in Czechoslovakia: From Soviet Invasion to “Velvet Revolution”, 1968–89 // Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present / ed. by A. Roberts, T. Garton Ash — Oxford: Oxford University Press, 2009. — 432 p.

19. Wnuk-Lipiński, E. Meandry formowania się społeczeństwa obywatelskiego w Europie Środkowej i Wschodniej / E. Wnuk-Lipiński // Chrześcijaństwo — Świat — Polityka. — 2007. — №1 (2).

Научное издание

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И РОССИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

в рамках проекта Эразмус+ Жан Монне

№ 611458-EPP-1 2019 1-RU-EPPJMO-PROJECT

«Трансформация идентичностей в Европе и России в современных условиях»

При поддержке программы Erasmus + Европейского союза

Под редакцией канд. экон. наук Е.В. Викторовой

Подписано в печать 23.04.2021. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 150 экз. Заказ 77.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ